

МИРЫ ПРОХОДЯТ СКВОЗЬ МИРЫ

Чистая и опрятная, как медсестра из реанимации, пришла зима. От снега сразу стало светлее и, несмотря на пандемию, радостно. Прошёл Новый год, и юрист Юрий Станиславович Кстовский встретился со своими клиентами – теми, кто пытался сохранить родовой старинный дом в центре города. Сын пожилой пары, жившей в этом осколке царской России (большая редкость для страны, претерпевшей за столетие войны, революции и переселения народов), – Святослав Леонидович Курбский, рассказал Юрию Станиславовичу замечательную историю.

Святослав был врачом и женат был также на представительнице этой столь недавно преследуемой, а ныне воспеваемой профессии. Только что врачи были в прессе главными взяточниками и убийцами, их травили, как зайцев, и вдруг неожиданно-негаданно с пришестви-

ем эпидемии ковида они оказались святыми.

С самого начала «чумы» Святослав, прекрасно понимая всю меру опасности ковида для пожилых людей, изолировал маму и папу в старинном доме. Они с женой покупали продукты, готовили, выносили мусор, но общались с родителями только через стёкла окна. Давалось это Святославу, «маменькиному сыночку», тяжело, взрослый сильный дядька безмерно тосковал.

Они с женой скорее занимались наукой, чем непосредственно общением с больными. На работу часто добирались на автобусе, в котором от сдавленных, как селёдка в бочке, невымытых тел стоял банный пар, а маску, чтобы не задохнуться, можно было носить только на шее. Несмотря на то что в самой «красной зоне» Святослав с супругой не работали, больных они активно консультировали, да и расположение «ковидных»

***Ярослав Валерьевич КАУРОВ** – доктор медицинских наук, член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах: Шеф-редактор журнала «Холм поэтов».*

Живёт в Нижнем Новгороде.

отделений в больнице было в шахматном порядке – ковид-нековид, при единой плохо работающей вентиляции. Больные, у которых обнаруживали «популярную» вирусную инфекцию, десятками направлялись в специализированные отделения, возвращались из них, в общем, в обыкновенной кардиологии и пульмонологии пациентов с короновирусной инфекцией было достаточно. Естественно, Святослав с Ириной (так звали его «вторую половинку») заболели.

Болезнь придвигалась к ним на мягких лапах, как тигрица, неспешно, но неотступно. Родителям они ничего не сказали, чтобы не волновать и так удручённых пожилых людей. На носу был Новый год. Святослав привык встречать его с родителями. Это являлось незыблемой семейной традицией. И он с Иришей решили, украсив блестящими гирляндами и игрушками купленную настоящую ёлку, поставить её в полисаднике перед деревянным домом, у окон мамы. Они развесили гирлянды с цветными лампочками.

В сам Новый год Святослав с Иришей, уже с температурой под сорок, наглотавшись жаропонижающих препаратов, приехали к дому родителей, встав поодаль от их окон, зажгли гирлянды и при свете уличного фонаря услышали бой курантов.

Праздник состоялся, и они выпили шампанского, чокнувшись воздушным жестом через стекло.

Конечно, после таких подвигов их самочувствие резко ухудшилось. Пришедшая из поликлиники докторица сказала, что в таком тяжёлом состоянии, конечно, необходима госпитализация в

стационар. «А в какой – решайте и договаривайтесь сами!» – добавила она. Святослав, как «заслуженный» астматик, болел тяжелее. Он понимал умом и чувствовал всем телом, что, попади он в реанимацию со злой, откормленной, нечувствительной к антибиотикам флорой (стафилококками, синегнойкой), – точно помрёт. Сатурация кислорода была мизерной. Он всё время спал на животе, и ему виделись яркие галлюцинации: Святослав шёл по берегу Горьковского водохранилища, – там он из года в год отдыхал ребёнком. Песчаный, подрытый морем высокий берег с ласточкиными гнёздами, с которого в воду и на узкую кромку песка перед ней сыпались осколки глиняных горшков древних цивилизаций. Сосны, срывающиеся в мутные воды, но ещё держащиеся за падающую землю половиной своих корней. Они выросли в лесу, и вдруг лес начал падать в расплывающееся по равнине море.

И наяву в детстве он любовался этим пейзажем, а тут всё приобрело сверкающие, нереальной яркости и силы пронзительные краски, – всё казалось циклопически большим, загадочным, эпическим. Умиравший в гипоксии мозг давал в последнем всплеске галлюцинации невероятного наслаждения.

Вновь не спавшая ради него всю ночь Ириша делала по часам необходимые инъекции, укутывала с головой в одеяло, открывала настежь окна для свежего зимнего воздуха, толкала его в бок, заставляя дышать.

Ночами, слыша его затухающее и замедляющееся дыхание, она читала «Богородица дева радуйся»

и шла в своих ярких молитвенных видениях по канавке Богородицы Дивеевского монастыря, ведя Святослава за собой за руку и передавая ему свой ритм дыхания. Она проделывала это раз за разом в полусне. Господь услышал её молитвы. Она поклялась ему пройти по канавке вместе со Святославом и сдержала клятву. Он делал дыхательные упражнения и вновь забывался сладким, как наркотик, сном: теперь они с Иришей, обнажённые, поднимались на пылающих ангелах всё выше над землёй, в космос. Космос оказался пустым пространством необъятных размеров с яркими, как лампы, планетами и звёздами. Воздуха было мало, но его почему-то вполне хватало. Грудь вздымалась медленно, но плавно и спокойно. Космос был прохладен и на миллионы километров пуст. Их предупредили, что любимые вещи, раз выпущенные из рук, будут потеряны в безмерном пространстве навсегда, дали для немногих взятых с земли безделушек и книг авоськи. Почему-то, чтобы читать книгу, там нужно было повернуться к звезде, и тогда в отражённом от твоего нагого тела свете становились видны её страницы. Чтобы они могли не расставаться, им дали тонкую, как лучи, сетку, в которой, обнявшись, прижавшись голыми телами друг к другу, они плыли в пустом космосе в свете бесконечно далёких звёзд.

Собственно, так оно и было, только лежали они голые на постели, постель стояла в многоэтажном доме, дом в городе, город на земле, Земля летела в том самом пустом космосе, а одиночество их было тем же.

Ириша, сама больная, ходила

в аптеку за лекарствами, устраивала ему ингаляции с помощью небулайзера. Уже после кризиса, по сложному пути договоренности с коллегами, сделав компьютерную томографию, они поняли, что у Ирины было поражено 15-20 процентов лёгких, а у Святослава – намного больше половины.

Но всё проходит, прошла и болезнь. Слабые и прозрачные, они решили погулять. Прогуливались вдоль кремлёвской стены в центре города. Начальство облагодетельствовало горожан, перенеся в Нижний Новгород часть Китая в виде дешёвых бесконечных разнообразной формы и цвета светящихся гирлянд. Они опутывали деревья, взбирались на стены и беседки разнообразных форм. Выглядело всё это весело.

Святослав и Ириша хотели дойти до знакового в городе места встречи поэтов, на котором проходили спектакли и концерты вольных поклонников муз. Когда-то они любили посещать эти импровизированные, а иногда и филигранно подготовленные, не для галочки, действия. Городское министерство псевдокультуры стихийными концертами и инициативами не интересовалось, как и публикациями поэтов в Москве, Питере, да и по всему миру. Место встреч было возвышением у самой кремлёвской стены, напоминавшем сцену, и площадкой для зрителей под ней. На «сцене» была водружена стальная табличка «Холм поэтов», а над ней из кирпичной стены торчала кованая веточка с листьями, на которой сидел железный Соловей Нижегородской поэзии – родной брат Питерского Чижика-Пыжика. Когда-то о нём писала

«Литературная газета». Но сейчас супружеская пара упёрлась в глухой забор. Во время празднования восьмисотлетия города начальство развозилось, начало ремонты множества объектов, почти ни с чем не справилось, и эти долгострой за заборами зияли язвами по всему городу. Незавершённой вовремя осталась реконструкция парка «Швейцария», аквапарка, набережной, скверов, даже окончания центральной улицы, куда не довели высоких

гостей. Руины и ямы за забором, в который упёрлись Святослав и Ириша, повествовали о том, что никаких табличек и соловьёв за ними не осталось.

Дай Бог, чтобы это было не так!

Приглядевшись, Святослав и Ириша обнаружили на стене три листка бумаги.

На первом было стихотворение, на втором – басня, а на третьем – двестише.

СОЛОВЕЙ НА КРЕМЛЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Там, где приветствует рассветы
Твердыни древней красный меч,
Нижегородские поэты
Установили место встреч!

Чтоб не зависеть от приказов
И от чиновничьих тенёт,
Нужны алмазы, а не сказы,
Любой творец меня поймёт.

Храм над рекою муз и граций
Луной и солнцем освещён!
Таких чудесных декораций
Не знал ни театр, ни стадион!

Над Волгой проводились действия,
Дуэли, празднества, пиры,
Примеры чуда лицедейства
И исторической игры.

А чтоб у трепетной природы
Была мелодия своя,
Из Сергача поэт Кауров
Привёз стального соловья.

И соловей взлетел на стену
И сотни праздников воспел,
Свобода творчества бесценна,
И не положишь ей предел.

В стране писали все об этом.
Пел соловей, забыв про страх,
«Литературная Газета»
Прославила его в веках!

Паломники со всей России
Его старались посетить
Как праведное место силы,
Чтоб мысли не порвалась нить!

Ища извечные ответы
И совершенство во плоти,
Журнал родился «Холм поэтов»
И лучших на Руси сплотил!

Летела птичья песнь живая,
Но вечного под солнцем нет,
Легенда длилась, развиваясь,
Над Волгой двадцать долгих лет!

Второй листок гласил:

СВИНЬЯ И СОЛОВЕЙ

Басня

Вы, верно, знаете, друзья,
На громком празднике ворья
Нижегородская СВИНЬЯ
Сожрала, хрюкнув, Соловья!

Зачем поэзия Свинье,
Тем более её семье,
Особенно когда она
Всей властью вдруг наделена!

Справляли праздник ВОСЬМИСТА,
Не сделав ровно ни черта,
Был нужен подвиг для жлобья, –
И побороли соловья!

Какой успех! Какая честь!
Взять соловья и просто съесть!
У нас не Питер, – Бог, прости!
Где Чижик-Пыжик так в чести!

Свинья спросила: Ты зачем?
Пою! – ответил Соловей.
Свинья решила: Точно съем!
Сольёшься с тушею моей!

Свинья! Ты любишь вонь и ложь,
Мозги к высокому глухи!
Теперь побегай, уничтожь
По всей стране его стихи!

Он не умолкнет ни на миг:
Ни в злой февраль, ни в жаркий май!
Страницы вымарай из книг
И песни в воздухе поймай!

Прорвётся хоть одна строка,
И незавиден жребий твой,
В истории ты на века
Останешься, СВИНЬЯ, – СВИНЬЕЙ!

Вы, верно, знаете, друзья,
На громком празднике ворья
Нижегородская СВИНЬЯ
Сожрала, хрюкнув, Соловья!

Третий листок, заполненный совершенно другим почерком, констатировал:

Ну, что ж, теперь, друзья мои,
Встречаться будем у свиньи!

В подтверждение на стене была нарисована жирная свинья, внутри которой покоился означенный сожранный соловей. Действительно, чтобы выковать и укрепить на стене во славу города красавца соловья нужны

большие усилия, а чтобы изгадить стену мордой свиньи в стиле современного графити, практически ничего не нужно. И бороться с этим стираемым и вновь возникающим графити невозможно. А само поэтическое место уничтожить нельзя.

Ирине вспомнились стихи одного знакомого поэта, частого посетителя холма, — они так соответствовали обстановке.

Город в огнях и мехах белоснежных —
Переливаются вальсом цвета.
Окна теплы, снегопады безбрежны,
И воплощается наша мечта.

Город в мелодиях аквамаринных.
Слышен смеющийся хор голосов,
А за горою, за замком старинным —
Чёрная пропасть заволжских лесов.

Не разобрать ничего в этой бездне,
Не уловить в тёмном вихре времён:
Что туда кануло, тут же исчезнет.
Нет ни судеб, ни картин, ни имён.

Вместе идём по невидимой грани.
Ветром колеблются наши весы.
Может, останемся в мире скитаний,
Может, отмеряны наши часы!

Праздник желанного Нового года!
Брызги шампанского падают в снег!
Холод и мрак отмечает природа.
Чудо восторга творит человек!

Действительно, — даль за широкой рекой, огни города, расстилавшегося под ними, говорили о том, что жизнь продолжается, и это робкое возрождение после тяжёлой болезни — начало интересной, подаренной Богом в очередной раз

судьбы. Всё тяжёлое, материальное, каменное и железное, с виду такое незыблемое, — хрупко, как хрусталь, и легко, как пух. Стихи и идеи, такие зыбкие и эфемерные, — вечны. А чудеса и праздники люди делают себе сами!

